

НОВОМУЧЕННИЦЫ КУЗБАССА

На территории Кузбасса в годы гонений на церковь за веру погибли многие женщины. Среди них члены женской общины во имя цесаревича Алексея в селе Кучум (несуществующего ныне). О создании этой общины и её жизни до начала Гражданской войны подробно написал протоиерей Максим Мальцев [6, С. 65–82]. Как конкретно сложилась судьба двух десятков послушниц во главе с монахиней Верой неизвестно. С достоверностью можно только сказать, что община была ликвидирована не позднее 1920 года, некоторые монахини убиты, другие начали вести внешне мирскую жизнь. Конкретно судьбу каждой из них, в том числе и монахини Веры исследователям пока восстановить не удалось. М.А. Мальцев нашёл свидетельства о том, что в мае 1919 года в Кучуме был ограблен женский монастырь. А в архивах правительства Колчака в ведомостях об уголовных преступлениях Щегловского уезда есть данные о том, что 6 сентября 1919 года убиты монахиня Алексеевской женской общины и местный крестьянин деревни Кучум Барзасской волости. Имен в документе нет. М. А. Мальцев с осторожностью предполагает, что убитой могла быть монахиня Вера [6, С. 78]. Сейчас на месте расположения Алексеевской общины установлен памятный знак, ежегодно сюда совершаются крестные ходы.

В библиографическом справочнике «Новомученики и исповедники земли Кузнецкой» приводятся свидетельства о гибели двух женщин от рук бандитов-роговцев, наводившим ужас на сёла и города Кузнецкого края в годы Гражданской войны. Роговцы устраивали настоящую охоту на священнослужителей и членов их семей. Среди их жертв Бакановская Анна Степановна, учительница закона Божьего в церковно-приходской школе села Николаевское Мариинского уезда. Она была убита вместе с псаломщиком Григорием Бережным 23 апреля 1919 года отрядом бандитов [7, С. 123]. В том же году была убита бандитами Писемская Марина Павловна, супруга священника Никольской церкви с. Дмитриевского отца Владимира Писемского, служившего в храме этого села. Марина Павловна учительствовала в школе посёлка Рудниковского Мариинского (с 01.01. 1919 – Щегловского) уезда [7, С. 252].

В этот трагический список попадает и Бакун Мария Фёдоровна, погибшая в Ахпунском ОЛП Сиблага на руднике Темир-Тау. Мария Фёдоровна родилась в 1912 году в городе Верхнеудинск Забайкальской области, закончила педагогический техникум. Была арестована в Чите, заключена в Ахпунский ОЛП. В лагере была вновь арестована в 1937 году как член «офицерско-поповской контрреволюционной фашистской организации, систематически занимающейся контрреволюционной фашистской повстанческой агитацией», приговорена тройкой УНКВД по

групповому «Делу архиепископа Евсевия (Рождественского) и др.» к расстрелу. Расстреляна 5 ноября 1937 года. Ей было всего 25 лет. В 1957 году реабилитирована [7, С. 125–126].

Память об этих женщинах сохранилась как о людях за Христа пострадавших.

Так сложилось, что в собор Кузбасских новомучеников на сегодняшний день входят четыре женщины: монахиня московского Новодевичьего монастыря Мария Цейтлин, послушница того же монастыря Наталья Бакланова и послушницы московского Страстного монастыря Мария Носова, Евдокия Павлова. Все они родились, служили за пределами нашего края и закончили свой страдальческий путь в лагерях Кузбасса.

Сохранились очень скудные биографические сведения о каждой из них, нет достоверных фотографий.

Мария Васильевна Цейтлин родилась в 1869 году в городе Ярославле в семье рабочего Василия Цейтлина. В 1886 году семнадцатилетняя Мария принимает монашеские обеты и становится монахиней Новодевичьего монастыря.

Наталья Васильевна Бакланова родилась в 1890 году в крестьянской семье в селе Шестово Подольского уезда Московской губернии. Когда дочери исполнилось восемь лет, отец отдал ее в школу. После школы в 1903 году в тринадцать лет девочка стала послушницей Новодевичьего женского монастыря в Москве.

Когда девушки поступили в монастырь, здесь подвизалось более двухсот монахинь и послушниц. Это был один из самых богатых и красивейших монастырей Москвы. Он располагался на своеобразном острове, окруженном с трех сторон рекой Москвой, был опоясан крепостными стенами с ажурными башнями, к небу тянулась высокая стройная колокольня. В центре возвышался белокаменный Успенский собор. В обители служили монахинями представительницы царских династий и знатных боярских родов и, как видим, девушки из крестьянских и рабочих семей.

В этом монастыре начался путь служения Марии Цейтлин и Натальи Баклановой. Их дни, как и всех монахинь, протекали в молитвах и трудах. Трудиться приходилось немало. Монастырь опекал немощных, содержал и обучал сирот. При монастыре существовала богадельня для престарелых монахинь и послушниц. Было трехклассное училище-интернат для девочек-сирот. Девочек учили не только грамоте, но и рукоделью, домоводству. Работала приходская школа. Каждый день надо было готовить и накрывать столы для общих трапез насельниц и многочисленных паломников.

После Октябрьской революции в 1917–1919 гг. монастырь был упразднен. Декретами новой власти закрывались училище для сирот, приют и приходская школа, конфисковывались банковские счета и земля. Монастырь остался без средств существования. Из-за отсутствия продуктов и хлеба пришлось отменить общую трапезу. Осталась лишь богадельня, которая существовала на средства частных благотворителей.

Ворота монастыря теперь заставляли держать открытыми – в них задули ветры нерадостных перемен.

Для монахинь и послушниц начались тяжкие испытания. В обитель пришел голод, а вслед за ним болезни. Но еще тяжелее было видеть, как на глазах разоряется монастырь. Добротные обустроенные дома и помещения были лакомым куском для расплотившихся ведомств и отделов. Весной 1918 года в обитель поселили 200 курсантов Наркомата просвещения. Это был особый род глумления и унижения, когда в старинный женский монастырь поселили молодых мужчин, «горланов революции», воинствующих атеистов. Они вели себя нагло и развязно, шумно развлекались во время церковных служб, выражали свое презрение к вере и монашеской жизни.

Игуменский корпус, где жила некогда царица Наталья Лопухина, забрали под ясли, в трапезной обосновался всеобуч, потом гимнастический зал. Через год курсантов сменили 300 человек рабочих переехавших из Петрограда.

В 1922 году обитель была окончательно закрыта. Игуменью Веру и четверых священников обители арестовали по делу об изъятии церковных ценностей и приговорили к различным срокам лишения свободы с конфискацией имущества. По решению властей на территории монастыря разместился «Музей эпохи правления царевны Софьи и стрелецких бунтов». Часть келий превратили в коммунальные квартиры. Позже разорили кладбище монастыря: после уничтожения 2811 неугодных надгробий осталось лишь около ста. Запретили колокольный звон. Позже в 1930–1934 гг., будто в насмешку, в стенах обители, откуда насильно разогнали и репрессировали многих женщин-монахинь, создали «Музей раскрепощения женщины».

Монахинь становилось все меньше. Кто-то, спасаясь от голода, уехал в деревню, кто-то переселился к родственникам. Остаток монашеской общины держался за Успенский храм. Чтобы не расставаться с обителью, монахини устраивались в музей реставраторами и хранительницами, работали при церкви уборщицами, дворниками, сторожами. Наталия Бакланова тоже стала работать уборщицей. Но вскоре все монахини были изгнаны из монастыря.

Горько было расставаться с обителью, в которой Мария прослужила тридцать шесть лет, а Наталия – девятнадцать. Изгнанные из монастыря монахини и послушницы старались держаться вместе. Мария с другими сестрами поселилась вблизи монастыря на Большой Пироговской улице, д.2, кв. 58. Наталия с послушницами Евдокией и Анастасией Прошкиными жила под Москвой в поселке при станции Сходня. По возрасту и по социальному положению Марии трудно было устроиться на работу. Она жила иждивением своей сестры Каштановой. Наталия зарабатывала тем, что в разных семьях выполняла домашнюю работу. В 1931 году она устроилась уборщицей в институт Курортологии в Москве. Сестры поддерживали друг друга: навещали, вели разговоры, вместе молились. Иногда к ним приходили священники.

Надвигался 1937 год – год новой волны репрессий и повальных арестов. С особым подозрением власти относились к так называемым классово «чуждым элементам». К их числу относилось духовенство и монашество. Плодилась армия доносчиков и осведомителей. По одному из доносов и была арестована Наталия. Сотрудники института Курортологии, где она работала, сообщили, что «Наталья Васильевна всегда отказывалась от общественных поручений, если и участвовала в работе, то исполняла только техническую работу, а от общественной работы отстранялась, проявляя к ней враждебность, отказывалась ходить на собрания, говоря, что «у них все собрания да собрания, а ей некогда ходить на собрания». По этим идеологическим причинам она и была уволена с работы [1, л. 45]. Еще несколько свидетелей передавали содержание частных разговоров монашек о том, что прежде жизнь монашек была лучше, что нет возможности верить в Бога, что советская власть преследует религию и священников [1, Л. 44].

27 ноября 1937 года Наталия была арестована. И даже допрошенный по делу Наталии Баклановой священник поселка Сходня дал показания, больше похожие на донос. Он утверждал, что Наталия говорила: «Ныне все против нас направлено, не дают нам свободно веровать в Бога... Кругом все пропаганда и пропаганда, безбожие, книжек религиозных нет».

Наталия твердо отвергла все обвинения в контрреволюционной деятельности.

Из протокола допроса послушницы Наталии:

«Вопрос следователя: Какие контрреволюционные вопросы вы обсуждали и какую вели контрреволюционную пропаганду?

Ответ Наталии: Никогда мы контрреволюционных вопросов не обсуждали и никакой контрреволюционной пропаганды не вели.

Вопрос следователя: Вы, находясь в тесной связи с попом Малиновским и Анастасией и Евдокией Прошкиными, устраивали у себя сборища, где обсуждали контрреволюционные вопросы.

Ответ Наталии: У меня на дому Малиновский бывал, с ним беседовали, но во время наших бесед мы контрреволюционных вопросов не обсуждали и не вели с ним никакой контрреволюционной деятельности» [4].

7 декабря 1937 года Наталия была осуждена на восемь лет исправительно-трудовых лагерей за контрреволюционную деятельность. Её отправили в сибирские лагеря.

8 января 1938 года послушница прибыла с этапом в Мариинск. В самый суровый период сибирской зимы она оказалась в концентрационном лагере, где трудно было выжить и более молодым и здоровым. Тяжелейшие условия лагерной жизни оказались для нее непосильными. Она заболела, была помещена в больницу в городе Мариинске. 31 марта 1938 года Наталия скончалась в лагерной больнице [5, С. 53].

Нашлись доносчики и на монахиню Марию. Соседи-осведомители не раз сообщали в органы НКВД, что сестры монастыря собираются вместе и ведут антисоветские разговоры. 21 марта 1938 года был выписан ордер на арест Марии Цейтлин. А на следующий день ночью она вместе с другими

монахинями была арестована и заключена под стражу в седьмом отделении милиции города Москвы [2, Л. 10–11, 14–15].

23 марта состоялся первый допрос Марии, на котором она не скрывала своей веры и своих упований, не побоялась открыто осудить Советскую власть за разграбление и закрытие монастырей и храмов. Монахиня не могла не сознавать, насколько это опасно.

«Вопрос следователя: Каковы Ваши убеждения, и как вы смотрите на существование Советской власти?

Ответ Марии: Как верующий человек, я смотрю так: всякая власть от Бога, и мне безразлично, кто у власти в настоящий момент в Советском Союзе.

Вопрос следователя: Вы арестованы за контрреволюционную деятельность, которую проводили совместно с другими монахинями Новодевичьего монастыря. Следствие требует правдивых показаний.

Ответ Марии: К монахиням Евдокии (Головановой) и Матроне (Липатовой) я ходила на квартиру. В доме у них я говорила, что пришло тяжелое время, церкви закрывают, верующие недовольны Советской властью... Советская власть грабит монастыри, закрывает церкви, но скоро они поплатятся жизнью, все тогда узнают, что есть Бог...» [10]

3 июня 1938 года Мария вместе с другими монахинями Новодевичьего монастыря, была осуждена на восемь лет исправительно-трудовых лагерей по обвинению в контрреволюционной деятельности контрреволюционной агитации, недовольстве советской властью [2, Л. 67, 73]. Марию отправили в Сиблаг НКВД. Монахине шел семидесятый год. Мария Цейтлин умерла пятнадцатого декабря 1938 года, через несколько месяцев по прибытию в пересыльный пункт Сиблага.

Место последнего упокоения сестер Наталии и Марии неизвестно.

Мария была причислена к лику святых РПЦ 1 октября 2004 года, Наталия – 16 июля 2005 года.

Прославив простую монахиню и простую послушницу, которые не стяжали ни наград, ни чинов, церковь показала, что подвиг веры и есть самый главный плод христианской жизни, особенно драгоценный в период смуты, скорби, жесточайших гонений на церковь.

Новомученицы Мария Носова и Евдокия Павлова служили послушницами Московского Страстного монастыря. Они были подругам. Со времени разорения обители и до ареста 25 октября 1937 года они не разлучались. Послушницы приняли мученическую кончину в Мариинских лагерях. В 2005 году, в один день причислены к лику святых РПЦ.

Мы не знаем, как они выглядели, пока не найдены их изображения, фото. Сохранились только скупые штрихи биографии и сухие строки протоколов допросов. В них перед лицом жестокой машины уничтожения, каковыми были органы НКВД, явлены твердость и неотступность от веры.

Мария Павловна Носова родилась в 1872 году в селе Дубенька Козельского уезда Калужской губернии в семье крестьянина Павла Носова.

В 1893 году, в двадцать один год, она поступила послушницей в Московский Страстной монастырь.

Павлова Евдокия Павловна родилась 1 августа 1876 года в Москве. В 1887 году, когда девочке исполнилось одиннадцать, лет родители отдали ее вместе с младшей сестрой Пелагеей на воспитание в Московский Страстной монастырь. До поступления в монастырь Евдокия окончила три класса сельского училища. Сестры были приняты послушницами.

Московский Страстной монастырь, основанный в 1649 году царем Алексеем Михайловичем, относился к числу старейших монастырей столицы. Он находился в центре Москвы на месте нынешней Пушкинской площади. Вид его был знаком каждому москвичу. Страстная площадь перед монастырем являлась местом народных гуляний по случаю монастырских престольных праздников. Над Святыми воротами высоко вверх тянулась нарядная колокольня с церковью Алексия Человека Божия. В центре монастырского двора возвышался златоглавый храм Страстной иконы Божьей Матери.

В начале XX века в монастыре было более ста монахинь и послушниц. Насельницы Страстного монастыря много занимались рукодельем, обитель славилась по всей Москве их удивительными рукодельными работами. После разорения обители и изгнания сестер многие из них зарабатывали себе на жизнь шитьем. В обители хранились особо почитаемая чудотворная икона Страстной Божьей Матери.

После Октябрьской революции 1917 года Страстной монастырь и его обитательниц ожидала особенно тяжелая участь. Монастырь подвергся сначала ряду издевательских преобразований, а потом и вовсе был снесен. Вначале пролетарские художники расписали его стены кощунственными изображениями. В его помещениях разместился Военный Комиссариат. В марте 1919 года власти упразднили монастырь. В 1922 году его захватили обновленцы. Древние стены стал свидетелями их безобразных скандалов и ругани. Часть помещений передали под общежитие студентов Коммунистического университета трудящихся Востока. В этой ужасающей атмосфере еще продолжала существовать монашеская община. Окончательно монастырь ликвидировали в 1928 году. Большой колокол сняли с колокольни. Всех монахинь изгнали.

Самым кощунственным и диким по замыслу было создание в древней обители в 1929 году Центрального антирелигиозного музея Союза безбожников СССР. В храме иконы Страстной Божьей матери были выставлены на посмеяние разоренные мощи. В 1937 году по распоряжению властей монастырь снесли. И тогда же было сфабриковано дело о контрреволюционной деятельности монашек Страстного монастыря, участницами и жертвами которого стали Мария и Евдокия.

После закрытия монастыря послушницы старались не разлучаться и жили небольшими общинами, поддерживая друг друга. Мария Носова с сестрами Евдокией и Пелагеей Павловыми, Софьей Селиверстовой, Верой Морозовой сняли полуподвальное помещение на Тихвинской улице,

привели его в порядок. Некоторые послушницы занялись привычным рукоделием – шитьем. Евдокия стала работать в артели «Одеяльщик» «пошивщицей» одеял на дому. Мария работала санитаркой в Московском туберкулезном институте [8]. Сестры стремились, как могли, не отступать от основ монашеской жизни, приглашали священников для служения молебнов.

25 октября 1937 года Мария Носова и Евдокия Павлова с сестрой Пелагеей были арестованы и заключены в Бутырскую тюрьму [3, Л. 10–11]. Скорее всего, основанием ареста был донос, потому что следователь во время допроса Марии сослался на «окружающих»; якобы с ними послушницы вели антисоветские разговоры. В доме, где поселились сестры, жила надзирательница Бутырской тюрьмы, которая с неприязнью присматривалась к тихим трудолюбивым женщинам. Надзирательница проходила свидетелем по этому делу. Возможно, она и написала донос. Ее показания послужили основанием для обвинения послушниц в контрреволюционной деятельности.

Мария подверглась допросу в день ареста. В архивных документах сохранились материалы допроса:

Вопрос следователя: «Ведете ли вы с сестрами разговоры на политические темы?»

Ответ Марии: Нет, не ведем.

Вопрос следователя: Следствие располагает данными о том, что вы среди окружающих ведете разговоры, направленные против советской власти. Подтверждаете ли вы это?

Ответ Марии: Нет»[8].

На этом следственные действия были прекращены.

Евдокия на допросах прямо отвечала на вопросы следователя и решительно отвергла обвинения в контрреволюционной деятельности.

Вопрос следователя: «Был ли кто из родственников арестован советскими властями, кому вы оказывали помощь из находящихся в заключении?»

Ответ Евдокии: Я посылала посылки в лагерь племяннику, а также находящемуся в узах священнику.

Вопрос следователя: Следствие располагает данными об антисоветских разговорах с окружающими. Что вы можете пояснить по этому вопросу?

Ответ Евдокии: Я никогда антисоветских разговоров не вела» [9].

Показания допрошенных по делу свидетелей толковались исключительно в духе доказательств контрреволюционной деятельности. Так, сосед по дому сообщил, что антисоветских разговоров от послушниц не слышал, только видел, что к ним приходил несколько раз священник. На этом основании следователь записал в протокол допроса, что послушницы вели антисоветскую и контрреволюционную деятельность.

Нужные показания дала упоминавшаяся уже надзирательница Бутырской тюрьмы. Она сообщила, что проживающие в их доме

послушницы ведут контрреволюционную агитацию, что «их квартиру часто посещают социально чуждые люди: попы, дьячки и другие служители культа с соответствующими разговорами на политические темы».

На основе этих малосодержательных показаний следователь Московской области Бельшев состряпал дело о «контрреволюционной деятельности группировки монашек Страстного монастыря». В обвинительном заключении он написал: «После ликвидации страстного монастыря группа монашек поселилась в одной квартире, где устраивались нелегальные моления. Будучи враждебно настроены к советской власти, вели среди окружающих систематическую контрреволюционную агитацию, в процессе которой распространяли клеветнические измышления о жизни трудящихся, всячески дискредитировали отдельные мероприятия партии и правительства» [9].

Суд был скорым, а приговор нечеловечески жестоким. 19 ноября 1937 года тройка НКВД вынесла решение по делу о монашенках Страстного монастыря. Послушниц Марию и Евдокию приговорили к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере за «антисоветскую агитацию» [3, Л. 45–46]. Судей не смутило то, что они присудили десять лет лагерей уже старой немощной женщине: Марии шел шестьдесят шестой год. Евдокия была больна туберкулезом.

В 1940 году, когда Мария и Евдокия уже погибли в лагерях, одна из арестованных с ними послушниц потребовала пересмотра дела. Снова были вызваны свидетели. Но надзирательница Бутырской тюрьмы к этому времени сама сидела в тюрьме за клевету. На допрос пришла ее сестра. О послушницах она сказала: «Я знала жильцов нашего дома, бывших монашек, плохого я о них ничего не знаю, антисоветских разговоров никогда от них не слышала. Они были очень трудолюбивые» [9]. Несмотря на эти показания, приговор был оставлен в силе на том основании, что арестованные были долгое время в монастыре и потому являются социально-опасным элементом.

27 декабря 1937 года Мария и Евдокия прибыли с этапом в Мариинский распределитель Сиблага. После заключения, изнурительного этапа, в тяжелейших лагерных условиях Мария прожила чуть более четырех месяцев. 10 мая 1938 года Она скончалась. Всего лишь на год пережила ее Евдокия. Она умерла в лагере 20 апреля 1939 года [5, С. 63]. Место последнего упокоения сестер неизвестно.

27 декабря 2005 года Мария и Евдокия были причислены РПЦ к лику святых.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-41595.
2. ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-19432.
3. ГАРФ. Ф. 10035. Оп.1. Д. П-18155.

4. Бакланова Наталья Васильевна // Новомученики и исповедники за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX веке: электронная база данных/ Православ. Свято-Тихон. Гуманитар. Ун-т. URL http://kuz3.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans (дата обращения 11.02.2016)

5. Жизнеописания кузбасских святых [Текст]: сб. очерков // авт.-сост. : В. Л. Лаврина, С. М. Павлов ; редкол. : В. А. Овчинников, А. А. Мить, Н. Г. Губанова ; Кемеров. и Прокопьев. Епархия, Кемеров. гос. ун-т. – Кемерово: ИЦ «Медиа-Центр Глагол», 2013. – 255 с.

6. Мальцев М. А. Очерки истории приходов на территории бывшего Барзасского района. – Кемерово: КемГУКИ, 2013. – 139 с.

7. Новомученики и исповедники земли Кузнецкой. – Кемерово: Скиф, 2011. – 408 с.

8. Носова Мария Павловна // Новомученики и исповедники за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX веке: электронная база данных/ Православ. Свято-Тихон. Гуманитар. Ун-т. URL: http://kuz3.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans (дата обращения 10.01.2017)

9. Павлова Евдокия Павловна // Новомученики и исповедники за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX веке: электронная база данных / Православ. Свято-Тихон. Гуманитар. Ун-т. URL: http://kuz3.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans (дата обращения 10.01.2017)

10. Цейтлин Мария Васильевна // Новомученики и исповедники за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX веке: электронная база данных / Православ. Свято-Тихон. Гуманитар. Ун-т URL http://kuz3.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans (дата обращения 16.02. 2017)